

Бородулина Е. В. Первые шаги сибирского промкооперативного строительства в условиях перехода к новой экономической политике (1921—1923 годы) / Е. В. Бородулина // Научный диалог. — 2018. — № 3. — С. 116—135. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-3-116-135.

Borodulina, E. V. (2018). The First Steps of the Siberian Industrial-Cooperative Construction in the Context of the Transition to a New Economic Policy (1921—1923). *Nauchnyy dialog*, 3: 116-135. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-3-116-135. (In Russ.).

УДК 94(47).084.3+334.734:334.712(571.1/.5)“1921/1923”

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-3-116-135

Первые шаги сибирского промкооперативного строительства в условиях перехода к новой экономической политике (1921—1923 годы)

© Бородулина Елена Викторовна (2018), orcid.org/0000-0002-0324-927X, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия), borodulina.e@list.ru.

В статье дана краткая характеристика положения промышленной кооперации Сибири к началу 1921 года. Анализируются ее организационное строительство и региональные особенности в условиях перевода на рельсы новой экономической политики. Рассматривается деятельность Сибирского областного кустарно-промышленного союза. Ставится вопрос о борьбе за влияние на промкооперацию. Исследуются причины кризиса и развала системы Сибартельсоюза. Автор приходит к выводу об инерции военно-хозяйственных методов руководства кооперированным производством кустарей и ремесленников на протяжении всего рассматриваемого периода. Отмечается, что система непосредственного государственного управления в этой сфере сохранялась вплоть до 1923 года. Показана неспособность Сибартельсоюза возглавить кооперацию, из-за чего продолжался кризис кустарно-промышленной системы. Основными источниками работы послужили материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива экономики и Государственного архива Новосибирской области, часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Сибирь; промышленная кооперация; Сибартельсоюз; кустари и ремесленники; новая экономическая политика.

1. Введение

Мелкая и кустарно-ремесленная промышленность Сибири играла значительную роль не только в хозяйственном освоении края, она еще и втя-

гивала в кустарно-ремесленное производство немалую часть трудовых ресурсов региона. По подсчетам В. В. Коновалова, в сибирской нецензурной промышленности по основным ее отраслям накануне первой мировой войны было занято приблизительно 167,2 тыс. мелких промышленных производителей, из которых 131,6 тыс. — это сельские кустари и ремесленники, а 35,6 тыс. человек — городские. Стоимость валовой продукции всей нецензурной промышленности Сибири составляла 107—112 млн рублей, или половину(!) объема промышленного производства [Коновалов, 1995, с. 40, 43]. С выводами Владимира Викторовича Коновалова, впервые комплексно проанализировавшего состояние сибирской нецензурной промышленности в период военного коммунизма, в целом соглашается Александр Алексеевич Николаев, основательно изучивший мелкую промышленность и кустарные промыслы Сибири в 1920 — середине 1930-х годов [Николаев А. А., 2000, с. 40, 42—43].

Вплоть до первой мировой войны среди кустарей и ремесленников региона господствовал труд раздробленных производителей. Первые самостоятельные промысловые артели в Сибири появились позднее, чем в Европейской России. Так, на январь 1909 года их в Тобольской губернии, занимающей одно из первых мест в крае по развитию промыслов, по данным губернского управления, имелось всего две — профессиональное общество рабочих сундучного производства и союз шапочников и портных; обе образованы в 1907 году в Тюмени [ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 23, д. 195, л. 8, 21, 37; Бородулина, 1998, с. 115]. Подобные объединения кустарей были достаточно редким явлением в силу оторванности производителей от рынков сырья и сбыта из-за отсутствия у них необходимого капитала. Но и эти единичные артели были часто нежизнеспособными; они быстро разваливались под натиском конкуренции. Например, в июне 1909 года ликвидировал свои дела, просуществовавший немногим более двух лет тюменский союз шапочников и портных [ТФ ГАТО, ф. 152, оп. 23, д. 195, л. 21; Бородулина, 1998, с. 115]. Активнее кооперирование кустарных промыслов в Сибири началось с 1911 года [ГАНУ, ф. р-1359, оп. 1, д. 196, л. 38 об.] и продолжалось в период первой мировой и гражданской войн [ГАНУ, ф. р-288, оп. 1, д. 468, л. 2]. Нередко к кооперированию кустарей и ремесленников подталкивали не только естественное желание вытеснить скупщиков, ростовщиков и посредников с кустарного рынка, но также деятельность кредитной, потребительской и маслодельной кооперации, которые начинали проникать в сферу мелкопромышленного производства, приобретая в кооперативную собственность нецензурные предприятия [Бородулина, 1998, с. 121, 123—124; Коновалов, 1995, с. 155; Николаев А. А., 2000, с. 93—95].

Большое значение мелкого производства для экономики Сибири, постоянное увеличение спроса на предметы первой необходимости при слабости собственной крупной фабрично-заводской промышленности объясняют внимание местных органов власти к кустарям и ремесленникам. Проблемы создания командно-бюрократической системы управления мелкой и кооперативной промышленностью в условиях военного коммунизма, разрушение кооперативных органов управления, положение кустарей и ремесленников в системе Сибцентросоюза исследовали в своих трудах В. В. Коновалов, А. А. Николаев, В. Б. Шепелева [Коновалов, 1995, с. 152—177; Николаев А. А., 2000, с. 65—90; Шепелева, 1981, с. 15]. Авторы отмечают неэффективность сформированной большевиками «административной машины» по управлению сибирской промкооперативной системой, которая привела ее к организационному и хозяйственному развалу. В связи с этим огромный интерес представляет анализ первых мероприятий по восстановлению сибирской промысловой кооперации в переломный период перехода от военного коммунизма к новой экономической политике.

2. Состояние промысловой кооперации Сибири при переходе к нэпу

За годы военного коммунизма кооперативный аппарат в Сибири был почти разгромлен, а «промысловая кооперация ослаблена и количественно, и качественно» [Известия Сиббюро ЦК РКП(б), 1921, № 37, с. 4]. Деятельность Сибирского комитета по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации (Сибкустпрома) привела к почти полному огосударствлению аппарата промкооперации [Коновалов, 1995, с. 75]. Сибкустпром работал только с губернскими управлениями по делам кустарной и мелкой промышленности (губкустпромами). Кустарный отдел Сибирского отделения Центросоюза как самостоятельное учреждение никаких заданий не получал и превращался в своеобразный аппарат Сибкустпрома. Подобная практика также реализовывалась на местах [ГАНУ, ф. р-1, оп. 1, д. 21, л. 1]. Губернские кустарно-промысловые секции (губкустпромсекции) первоначально получали задания от губкустпромов, но по мере возникновения уездных кустарно-промысловых комитетов задания стали переходить к последним, а губкустпромсекции сливались с губкустпромами или распадались [РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 11 об.]. Зимой—весной 1921 года, например, были слиты аппараты губкустпрома и губкустпромсекции в Томской, Алтайской и Новониколаевской губерниях [Вестник кустарной промышленности, 1921, № 16, с. 18; Николаев В., 1921, с. 59]. В Енисейской губернии кустпромсекция распалась сама со-

бой, а в Омской — не играла никакой роли, продолжая существовать лишь формально [РГАЭ, ф. 1691, оп. 2, д. 1231, л. 81]. В Сибири, таким образом, процесс огосударствления промысловой кооперации зашел дальше, чем в Европейской России [Коновалов, 1997, с. 39].

Деятельность Сибкустпрома, направленная на подчинение кустарно-ремесленного производства и промысловой кооперации, на установление контроля над ними, привела зимой 1921 года к серьезным разногласиям между руководством указанного Сибирского комитета и кооператорами, между аппаратом управления губкустпромов и губсовнархозов. Однако Президиум Сиббюро ВСНХ в постановлении от 4 января 1921 года полностью выступил на стороне Сибкустпрома, признав «необходимым присоединение производственных аппаратов кустпромсекций к кустпромам». А «в целях уничтожения параллелизма» в работе кустпромов и производственных отделов совнархозов Президиум Сиббюро ВСНХ потребовал четко разграничить между ними сферы производственной деятельности в отношении мелкой и кустарной промышленности. Теперь нецензовые предприятия, «производственно связанные со средней и крупной промышленностью», должны были находиться в ведении производственных отделов совнархозов, а кустарно-ремесленные заведения, в которых занято «преимущественно сельское население, не связанное производственно со средней и крупной промышленностью» — в ведении кустпромов, отвечающих еще и за те отрасли мелкого и кустарного производства, «экономическое овладение которыми связано с процессом кооперирования» [РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 127].

Несмотря на военно-коммунистические эксперименты с кооперативным аппаратом, промысловые артели в Сибири продолжали возникать в течение всего 1920 года. Так, в Енисейской губернии к маю 1920 года был зарегистрирован 41 кооператив [РГАЭ, ф. 1691, оп. 5, д. 41, л. 144 об.], а в Томской — к июню 1920 года утверждено 74 артельных устава [ГАНУ, ф. р-1, оп. 1, д. 300, л. 15]. На 1 декабря 1920 года в данных губерниях имелось уже 65 и 178 промысловых кооперативов соответственно [Отчет Сибирского..., 1921, с. 85]. Пик артельного развития пришелся на март 1921 года.

Появление артелей было вызвано «не кооперативным сознанием кустарей», а стремлением получить путем объединения необходимое сырье от государственных органов, избежать мобилизации [Вестник кустарной промышленности, 1921, № 2–3, с. 7]. Именно возможность стабильного получения сырья, гарантированный сбыт изделий кустарно-ремесленного производства, тем более если оно осуществлялось по заказам государ-

ственных хозяйственных организаций, желание противостоять скупщикам и ростовщикам заставляли мелких производителей объединяться в артели. Также стимулировала рост артелей ликвидация кредитной кооперации. Во-первых, значительная часть самих кредитных обществ (в основном, сельских) реорганизовалась в 1920 году в промысловые кооперативы [Вестник кустарной промышленности, 1922, № 3—4, с. 6; Коновалов, 1997, с. 38], во-вторых, отсутствие достаточных средств и невозможность получения кредита подталкивали промысловиков-единоличников к объединению. Не следует забывать и о желании некоторых «предприимчивых дельцов» спрятаться за кооперативную вывеску, из-за чего появляется большое количество лжекооперативов [Вестник кустарной промышленности, 1922, № 3—4, с. 6]. Кроме того, широкое распространение получила в Сибири практика административного сколачивания кооперативов (так называемые «совнархозовские» мастерские) [ГАНУ, ф. р-1, оп. 1, д. 740, л. 80], что тоже увеличивало численность последних. При этом их вряд ли можно называть кооперативными организациями даже с такой формулировкой, как «объединения», имеющие «условно-кооперативный характер» [Коновалов, 1995, с. 140, 164—166; Коновалов, 1997, с. 39; Николаев А. А., 2000, с. 100]. Конечно, централизованная организация сбыта и снабжения «стимулировали расширение кооперативного сектора» в мелком промышленном производстве, но формировался «тип предприятия иного содержания, нежели кооперация, рожденная естественным развитием кустарных хозяйств» [Сидорова, 2011, с. 17].

Статистические данные о промысловых артелях на 1920 год очень фрагментарны и противоречивы. Лишь в отчете Сибирского областного бюро ВСНХ имеются сведения о 580 артелях к концу 1920 года [Отчет Сибирского ..., 1921, с. 85]. Согласно ему на первом месте по количеству кустарно-ремесленных кооперативов находилась Томская губерния, на втором — Алтайская, на третьем — Новониколаевская.

С переходом к новой экономической политике многие промысловые артели распались. Кризисные явления в промкооперации нарастали. К весне 1921 года можно говорить о практически полном ее огосударствлении. Однако на заседании Сибревкома 23 марта 1921 года в докладе «О кустарной промышленности Сибири» продолжали звучать военно-коммунистические тезисы; декларировалось использование мобилизационных методов в работе с промкооперацией; особо подчеркивалась необходимость соблюдения интересов той кустарно-промысловой кооперации, которая работала по планам и заданиям государства. Правда, в документе указывалось, что слияние кустпромсекций с государственными органами «впредь

не допускается», а имевшие в Сибири «случаи поглощения губкустпромами губпромсекций подлежат аннулированию» [РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 152]. И, хотя Сибкустпром фактически проигнорировал данное требование, это был первый шаг к восстановлению промысловой кооперации, к ее разгосударствлению.

27 мая 1921 года Сиббюро ЦК РКП(б) утвердило положение о курсах-съездах кооперативных работников-коммунистов [ГАНУ, ф. п-1, оп. 3, д. 20, л. 59 об.], приняло циркуляр о возвращении на кооперативную работу кооператоров [ГАНУ, ф. п-1, оп. 3, д. 20, л. 62 об.]. То есть, с одной стороны, продолжалась реализовываться идея усиления партийного контроля над кооперацией, с другой — приходило понимание необходимости скорейшего вовлечения в эту сферу деятельности специалистов-кооператоров. Данное понимание стало следующим важным шагом, после чего и начинается строительство промысловой кооперации уже в новых условиях экономической политики.

3. Строительство промысловой кооперации до образования Сибартельсоюза (июль–декабрь 1921 года)

Первые месяцы нэпа привели к возникновению новых промысловых артелей, но они были в большинстве своем нежизнеспособными. Рост артелей во многом был связан с их «сколачиванием» уже губкустпромами из мобилизованных кустарей и ремесленников. Так, в Томской губернии было зарегистрировано 259 артелей, которые продолжали сдавать свои изделия в порядке выполнения обязательных заданий в губкустпром; Омский губкустпром работал с 503 кооперативами мелких промышленных производителей; Алтайский — с 453 [ГАНУ, ф. р-32, оп. 1, д. 879, л. 16; Николаев В., 1921, с. 59–60, 62]. Артели эти нередко создавались искусственно, под административным нажимом, экономической базы не имели. Сами же кустари и ремесленники видели в кооперации лишь способ получения льгот и стремились улучшить свое материальное положение. Качество продукции таких «образований» было крайне низким, да и сами «образования» быстро распадались [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 265, л. 35–35 об.]. Подобная картина наблюдалась по всей Сибири [РГАЭ, ф. 1691, оп. 2, д. 1231, л. 79]. На смену «совнархозовским» мастерским массово приходили «кустпромовские» артели. Положение мелких промышленных производителей, занятых в них, отличалось только тем, что при работе с кустарно-промышленными комитетами кустарь выполнял работу на дому, «случаев изъятия кустара кустпромами из его бытовых условий не было» [ГАНУ, ф. р-32, оп. 1, д. 465, л. 52; РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 13 об.].

Кустпромы продолжали работать исключительно военно-коммунистическими методами до мая 1921 года: брали кустарей на учет или объявляли их мобилизованными; прикрепляли к производственной ячейке — артели; изымали у промысловой кооперации по низким твердым ценам произведенную ими продукцию, в том числе изготовленную из собственного сырья артельщиков; обязывали выполнять норму. Полностью нарушался даже такой кооперативный принцип, как добровольность членства в промартели. Стимулом выполнения нормы, как и в 1920 году, служило то, что кустарь освобождался от дальнейших мобилизаций. За работу сверх нормы выдавалась премия — керосин, соль, редко — мануфактура [РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 13 об.]. В связи с этим Организационно-кооперативное управление Главкустпрома 6 июня 1921 года направило руководству Сибкустпрома циркулярное письмо, в котором потребовало отказаться от подобной практики и «оказывать объединениям кустарно-промысловой кооперации всяческое содействие». В письме особо подчеркивалась необходимость «экономически заинтересовывать» существующие в Сибири объединения кустарно-промысловой кооперации в работе на кустпромы, чтобы «таким путем обеспечивать государственный фонд кустарными изделиями» и рекомендовалось перейти «от практики боевых заданий к практике договоров», разъяснялось, что «форма секций потребсоюзов совсем необязательна», что «вполне допустима и законна форма самостоятельных от потребсоюзов союзов кустарно-промышленных артелей» [РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 72].

Только летом 1921 года в крае началось формирование самостоятельной сети промысловой кооперации. На 1 июля 1921 года было зарегистрировано 659 артелей. Это были уже не «кустпромовские» артели, а именно кооперативы мелких промышленных производителей, работавшие с кустпромами на договорной основе. Связь кустарей с государством в это время выражалась лишь в передаче кустарям и их объединениям части государственных заказов, как из материалов государства, так и из материалов самих кустарей. [Отчет о деятельности ..., 1921, с. 69].

20–23 июля 1921 года состоялось Первое Сибирское совещание по кустарной промышленности. На нем прозвучала задача по организации промысловой кооперации и самостоятельного промыслового союза [Краткий отчет ..., с. 46]. Отмечалось, что промкооперативы должны создаваться независимо от потребительской кооперации. Это был следующий важный шаг в деле сибирского промкооперативного строительства, так как многие партийные и хозяйственные работники продолжали настаивать, что в Сибири промысловая кооперация в качестве самостоятельных кооперативных

центров развиваться не должна, их функции могут выполнять кустарные отделы потребительских союзов [РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 50 об.].

Необходимость организации самостоятельной промысловой кооперации поддержала IV Всесибирская конференция РКП(б), проходившая 15–20 августа 1921 года. В докладе Сиббюро ЦК РКП(б) приветствовалась разработка программы кооперативных курсов; отмечалось, что, наряду с развитием операций по государственному товарообмену, должна быть выдвинута задача по развитию внутрикооперативного оборота; акцентировалось внимание на важности перехода к организованному кооперированию кустарных промыслов; подчеркивалось, что «овладение кустарной промышленностью — основная цель промысловой кооперации в настоящее время» [ГАНУ, ф. п-1, оп. 3, д. 13-а, л. 4, 27–27 об.]. Однако реализовать данную программу быстро не удалось. Например, в докладной записке о деятельности Новониколаевского губкустпрома с 1 августа по 31 октября 1921 года говорилось, что после введения первых нэповских мероприятий большинство кустарей «разбежалось» и начало работать на вольный рынок, продавая свой труд частному предпринимателю, который, «почуя курс» новой экономической политики, «незамедлительно открыл целью поход» против взаимодействия кустарной промышленности с государственными органами, постепенно «захватывая все кустарные производства в свои руки» [РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 235]. Административно же сколоченные артели в новых условиях не выдерживали конкуренции и массово распадались. Тем более, что в новых экономических реалиях губкустпромы предпочитали работать с отдельными кустарями и частниками [РГАЭ, ф. 1691, оп. 2, д. 674, л. 13–13 об.].

С другой стороны, в Сибири продолжали создаваться мелко-промышленные объединения, носящие чисто кооперативный характер [РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 53]. Их деятельность имела в основном местное значение [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 12, л. 117–118]. Рынок сбыта изделий данных артелей был чаще всего ограничен районом производства. По неполным и достаточно противоречивым данным отчетов Сибпромбюро ВСНХ, губсовнархозов, губкустпромов и других органов, работавших с предприятиями нецензовой промышленности, нет возможности привести точные количественные характеристики. Однако эти материалы позволяют говорить о том, что к зиме 1921 года основными рынками сбыта, вывозимых за пределы района производства изделий кооперированных кустарей и ремесленников, являлись Ирбит, Туринск, Тобольск, Тюмень, Ялуторовск, Ишим, Курган, Петропавловск, Омск, Томск, Новониколаевск [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 96, л. 1].

Кроме промысловых кооперативов, в регионе появлялись объединения, ставящие перед собой совершенно иные цели. Уже в первые месяцы нового экономического курса обнаружилось стремление предпринимателей прикрыть свою деятельность кооперативной формой. В отчете Сибпромбюро ВСНХ за четвертый квартал 1921 года отмечалось, что в промысловых артелях, арендующие государственные предприятия, «нередко выступает замаскированный нэпман», что подобные артели взяли в аренду 43 предприятия, в которых было занято 500 человек [ГАНУ, ф. 918, оп. 1, д. 48, л. 2]. Например, в Томске возникла химическая артель, или союз частных предпринимателей, главная цель которого — получение наибольшей прибыли. Данное объединение превратилось в коллективного скупщика и ростовщика, использовало наемный труд неорганизованных в кооперативы кустарей и ремесленников, завышало цены на свою продукцию.

Об этом тревожном явлении — появлении лжекооперативов нового типа — писал «Вестник кустарной промышленности», говорили работники кустарно-промышленных комитетов и сами кооператоры. В целях урегулирования данной ситуации, то есть, чтобы не допустить разрастания лжекооперации в крае, Новониколаевский промысловый союз выдвинул предложение об организации инициативного бюро по созданию областного промыслового союза кооперативов [ГАНУ, ф. р-1, оп. 1, д. 536, л. 125 об.]. Идею не сразу, но поддержали.

24 августа 1921 года в постановлении Сибревкома «Об инициативном бюро областного промыслового союза кооперативов» было утверждено положение об инициативном бюро по организации Областного союза кустарно-промысловых кооперативов. Его задачами, в том числе, провозгласили инструктирование по вопросам общего кооперативного строительства и промкооперативного в частности; созыв съездов и совещаний кооперативов; их консультирование; разработку и составление всякого рода инструкторских брошюр и других изданий по строительству и внутренней организации промысловой кооперации; изучение рынков кустарных изделий; оказание юридической помощи кооперативам; координирование взаимоотношений промысловой кооперации с другими видами кооперации и защиту ее интересов перед другими видами кооперации и государством [РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 52–53].

После организации инициативного бюро Областного промыслового союза кооперативов строительство промкооперации в Сибири стало протекать более планомерно [РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 51]. Повсеместно создавались промысловые союзы. Так как в отличие от Европейской России самостоятельных союзов кустарно-промысловой кооперации в крае

до этого не существовало, их пришлось создавать, используя административный ресурс, «не снизу, а сверху» [Коновалов, 1995, с. 159]. К осени 1921 года в Новониколаевском союзе насчитывалось 164 артели [РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 53]; в Тюменском союзе — 85 кооперативов [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 96, л. 1]. Также образовались Омский, Алтайский, Иркутский, Томский, Мариинский, Минусинско-Абаканский союзы, то есть осенью 1921 года в Сибири функционировали 6 губернских и 2 районных союза [Краткий отчет ..., 1921, с. 47].

На местах далеко не все кооператоры стремились войти в промышленные союзы. Например, в Омской губернии осенью 1921 года насчитывалось 253 артели и около 1700 артельщиков [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 115, л. 55]. Однако Омский союз объединил лишь 75 артелей с 800 членами [ГАНУ, ф. р-918, оп. 1, д. 378, л. 17]. Из них только 23 артели были образованы до перехода к новой экономической политике, все остальные — молодые объединения [ГАНУ, ф. р-1, оп. 1, д. 438, л. 60].

К концу 1921 года промкооперация Сибири включала в себя 1053 артели, в которых трудилось 21 055 кустарей. На первом месте по числу промышленных кооперативов была Енисейская губерния, на втором — Новониколаевская. А по численности кустарей, наоборот, впереди находилась Новониколаевская губерния. В среднем на артель приходилось по 20 человек [Вестник кустарной промышленности, 1922, № 3–4, с. 38]. Но не менее трети всех сибирских кооперативов объединяли от 6 до 10 членов [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 96, л. 2; ГАНУ, ф. р-1, оп. 1, д. 438, л. 60–61], то есть преимущественно край был представлен мелкими и маломощными артелями.

Зимой 1921 года в промысловых союзах по разным статистическим данным варьировалось от 21 до 27 % артелей, остальные объединения кустарей и ремесленников продолжали работать вне союзных организаций [РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 53; Известия Сибцентросоюза, 1922, № 1–3, с. 178–179]. Поэтому последние выстраивали свои экономические отношения как с городскими, так и особенно с сельскими кооперативами, пытаясь оградить их от скупщиков и расширить свое влияние на мелких производителей в районе деятельности союза. В таких условиях на повестку дня явно вставал вопрос не только о дальнейшем кооперировании кустарей и распространении на них влияния промысловых союзов, но и о создании областного кустарно-промыслового союза в Сибири.

О необходимости усиления промышленной кооперации и губернских промысловых союзов говорилось на состоявшемся 7 декабря 1921 года совещании секретарей губкомов РКП(б) Сибири. На нем подчеркивалось, что «главная задача партии в кооперации» — это «задача всемерной под-

держки кооперативной системы». Однако в этой области «выполнено пока очень мало», «брошенные в кооперацию силы являются и недостаточными количественно», и не всегда «достаточно подготовленными качественно» [Известия Сиббюро ЦК РКП(б), 1921, № 39, с. 16–18]. Подбор руководителей, выдвинутых в военно-коммунистических условиях, «оказался несостоятельным для выполнения огромных заданий нового порядка» [Известия Сиббюро ЦК РКП(б), 1921, № 37, с. 4]. Таким образом, вновь был поставлен вопрос об усилении партийного внимания к кустарно-промышленной кооперации и активном участии РКП(б) в ее организации. С другой стороны, 20 декабря 1921 года Сиббюро ЦК РКП(б) разрешило руководству потребкооперации вести агитацию за добровольное слияние всех видов кооперации с потребительской кооперацией, действуя «исключительно мерами идейного воздействия и экономической заинтересованностью, не допуская каких-либо мер административного воздействия при проведении этой линии» [ГАНУ, ф. п-1, оп. 3, д. 21, л. 112].

4. Сибартельсоюз и промышленная кооперация

17—20 декабря 1921 года в Новониколаевске состоялся съезд представителей кустарно-промышленных союзов Сибири, который закончил свою работу учреждением Сибирского областного кустарно-промышленного союза (Сибартельсоюза) [РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 41]. В резолюции съезда подчеркивалось, что одним из основных направлений дальнейшей промкооперативной работы является создание районных союзов; «борьба с возрождающимся частным капиталом» и «обобществление труда на началах свободного кооперирования сил» [ГАНУ, ф. п-1, оп. 1, д. 184, л. 12]. Для этого Сибартельсоюз должен был содействовать объединению разрозненных кустарей в артели, а артели в союзы; обеспечивать их инструментами и оборудованием; снабжать сырьем, продовольствием, топливом, другими предметами, необходимыми кустарю; организовывать сбыт продуктов производства; распределять государственные и другие крупные заказы; создавать собственные предприятия; бороться с лжекооперативами [ГАНУ, ф. п-1, оп. 1, д. 184, л. 15, 16]. Таким образом, все основные проблемы промышленной кооперации и пути ее развития были обозначены в приоритетных целях и задачах нового кооперативного органа.

Первоначально в Сибартельсоюз вошли 7 из 8 именующихся в регионе кустарно-промышленных союзов, то есть все, кроме Тюменского. Сибартельсоюз поставил вопрос о включении губерний Акмолинской, Семипалатинской, Тюменской и Челябинской в состав Сибирского областного кустарно-промышленного союза [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 3, л. 28]. К январю

1922 года функционировало уже 11 союзов кустарно-промысловых кооперативов крупно-районного или губернского масштаба [ГАНУ, ф. п-1, оп. 1, д. 184, л. 12].

После учреждения Сибартельсоюза борьба за влияние на мелких производителей и промысловые артели между союзами и кулпромами, Сибартельсоюзом и Сибкулпромом только усилилась. Данная конкуренция существенно препятствовала развитию нецензурной промышленности региона [РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 6, 12]. На 1 января 1922 года Иркутский союз включал в себя 39 артелей, а всего в губернии было зарегистрировано 302 кустарно-промысловых кооператива, Омский союз объединял 96 артелей из 218 по губернии. По отчетным данным губкулпромов, большинство промысловых объединений продолжало числиться за кулпромами, а не за союзами [РГАЭ, ф. 1691, оп. 2, д. 1231, л. 61–73, 75]. Это было характерно и для страны в целом. В первые месяцы 1922 года «Вестник кустарной промышленности» констатировал, что, несмотря на значительный рост промысловых артелей, основная их часть не была связана с промысловыми союзами [Вестник кустарной промышленности, 1922, № 1–2 с 62; № 3–4, с. 6]. В таких условиях последние целенаправленно пытались привлечь к совместной деятельности как отдельные промкооперативы, так и мелких товаропроизводителей-частников. Например, Бийский райпромсоюз, созданный из Бийского отделения Алтайского промсоюза в феврале 1922 года объединял 7 артелей, кроме того, по его заданию работало 17 артелей, не являвшихся членами союза, и 184 одиночек [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 33, л. 5, 5 об.].

Сибревком утвердил Устав Сибартельсоюза 24 апреля 1922 года [ГАНУ, ф. п-1, оп. 1, д. 184, л. 18; ф. р-1, оп. 1, д. 899, л. 5]. Сибартельсоюз, созданный преимущественно административным способом, получил все права юридического лица. Его членами могли стать сибирские областные союзы специальных видов промысловой кооперации, губернские и крупные районные союзы, объединяющие исключительно промысловые кооперативы, кустарно-промысловые кооперативы тех районов Сибири, где нет кустарно-промысловых союзов. Учредителями Сибартельсоюза выступили Томский союз кустарно-промысловых кооперативов, Новониколаевский, Алтайский, Иркутский, Мариинский и Омский союзы.

Зимой — летом 1922 года наблюдалась позитивная динамика роста количества членов губернских союзов и Сибирского областного промсоюза. Летом 1922 года в Сибартельсоюз входило уже десять только губсоюзов, вместо семи, с общим числом 707 артелей при 8911 артельщиках [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 28, л. 199]. Расширяются также производственные и тор-

говые возможности промысловых союзов Сибири. По данным на сентябрь 1922 года Тюменский промсоюз готов был производить продукцию на сумму в 5 млн рублей; Омский — 15 млн; Бийский — 1,3 млн рублей [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 12, л. 115].

Данная ситуация не устраивала не только руководство Сибкустпрома. Еще 18 мая 1922 года в постановлении Сиббюро ЦК РКП(б) признавалось необходимым «в интересах изучения опыта мест в области кооперативного строительства» образовать при Сиббюро ЦК РКП(б) Кооперативную комиссию; «предложить губкомам образовать такие же комиссии» у себя [ГАНУ, ф. п-1, оп. 3, д. 31, л. 129 об.]. 19—21 июня 1922 года состоялось совещание секретарей губкомов РКП(б) Сибири, которое приняло тезисы о принципах кооперативной политики: «В итоге годичной работы <...> кооперативная система, в общем и целом хозяйственно окрепла, улучшила свой хозяйственный аппарат в смысле приспособления его к использованию рынка; <...> этот процесс хозяйственного укрепления проявлялся, однако, различно по отношению к отдельным видам кооперации. В частности, для кустарно-промысловой кооперации в Сибири выяснилось отсутствие достаточной хозяйственной базы для отдельного существования самостоятельной областной системы этого вида» [Известия Сиббюро ЦК РКП(б), 1922, № 51–52, с. 13–14]. Тезис звучал как приговор. Тем более, что ситуация анализировалась адекватно. У Сибартельсоюза, губернских и районных союзов не имелось прочной финансовой базы, не хватало инструкторов и опытных работников-кооператоров, притом что сам управленческий аппарат был громоздким и требовал значительных расходов на свое содержание. В июне 1922 года даже правление Омского губсоюза, одного из самых успешных, отмечало по вопроснику Сиббюро ЦК РКП(б), что «рост числа артелей остановился, наблюдается распад существующих». Причинами правление считало трудности сбыта готовой продукции, финансовый кризис, неблагоприятную налоговую политику, отсутствие договоров с крупными учреждениями и организациями [ГАНУ, ф. п-1, оп. 1, д. 359, л. 29]. Но реальной помощи от Сиббюро ЦК РКП(б) — ни организационной, ни финансовой, ни консультативной, ни иной — Сибартельсоюз так и не получил. Не получили ее и губернские промсоюзы [РГАЭ, ф. 1691, оп. 6, д. 215, л. 28].

8 марта 1922 года на V Сибирской партийной конференции вновь был поднят вопрос о том, как «должна строиться кооперация: интеграл или отдельные системы», и вновь отмечалось, что в данном вопросе «нужно проявить чрезвычайную осторожность, так как затрагиваются интересы миллионов пролетариев и деревенских жителей»; «нужна величайшая тактич-

ность и осторожность, великий нажим здесь абсолютно не годен» [ГАНО, ф. п-1, оп. 3, д. 27, л. 3 об.]. 13 марта 1922 года Сиббюро ЦК РКП(б) предложило коммунистическим фракциям различных систем кооперации воздерживаться от каких-либо шагов, которые способны извратить директиву Сиббюро ЦК РКП(б) о методах исключительно идейного воздействия при проведении кампании за интеграл [ГАНО, ф. п-1, оп. 3, д. 31, л. 48]. Однако весной–летом 1922 года заметно усилился именно административный нажим на промысловую кооперацию; откровенно зазвучали призывы (и не только!) к интегральному кооперативному строительству [ГАНО, ф. п-1, оп. 3, д. 27, л. 3 об.; д. 31, л. 48; д. 359, л. 17, 45 об.; д. 361, л. 15, 29, 30, 64; д. 415, л. 26, 74; д. 439, л. 19 об., 25, 53]. Огромный интерес представляют отчеты губернских и уездных партийных комитетов за апрель–октябрь 1922 года, которые, как под копирку, информировали о «тяготении» разных видов кооперации к интегралу [ГАНО, ф. п-1, оп. 1, д. 359, л. 17; д. 361, л. 15, 25, 29, 30, 33, 42, 64; д. 439, л. 25]. При этом под «тяготением» нередко скрывалось насильственное объединение кооперативных организаций. Например, в отчете Томского губкома в мае 1922 года отмечалось, что «при участии губкома и под его давлением произошло слияние селькредсоюза и артельсоюза» [ГАНО, ф. п-1, оп. 1, д. 415, л. 26]. Подобное произошло в Алтайской губернии в сентябре 1922 года [ГАНО, ф. п-1, оп. 1, д. 439, л. 53]. Кстати, это не являлось именно сибирской особенностью. Многие исследователи данной проблемы в других регионах отмечают прямое давление «партийных органов, выступающих за интегрирование различных видов кооперации» [Ягов, 2009, с. 26–27]. Необходимо отметить, что идея так называемого «кооперативного интеграла» активно насаждалась, прежде всего, центральными партийными и советскими органами в течении всего исследуемого периода [Бородулина, 2018, с. 205].

Мешали нормальному функционированию губернских союзов кустарно-промысловых кооперативов и аресты членов правлений данных союзов, которые осуществлялись местными органами власти порой без всяких объяснений. Так, в апреле 1922 года в Москву была направлена жалоба в связи с арестом 13 человек в Омском губсоюзе, в результате чего «аппарат Союза приведен почти в полное бездействие», а месяцем позже подобная жалоба об аресте всего состава Правления поступила из Тюменского губсоюза. Во второй жалобе звучала и возможная причина таких действий: «все имущество Союза передано назначенной Губисполкомом Тройке, которой поручено <...> поставить вопрос о ликвидации Союза путем слияния с Потребительским союзом» [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 3, л. 30; ГАНО, ф. п-1, оп. 1, д. 10, л. 30].

3 сентября 1922 года открылся второй съезд кустарно-промысловой кооперации Сибири, на котором присутствовали представители Иркутского, Томского, Новониколаевского, Тюменского, Алтайского, Омского, Мариинского, Семипалатинского, Акмолинского, Горно-алтайского, Бийского союзов и Павлодарского отделений [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 12, л. 115–116; Вестник кустарной промышленности, 1922, № 5-7 с 41; № 8–10, с. 29]. На нем пытались найти возможный выход из кризисной ситуации.

В надежде на усиление своего влияния среди мелких промышленных товаропроизводителей и их кооперативных объединений, на привлечение к нуждам промкооперации внимания со стороны советских и партийных работников региона Сибартельсоюз даже разработал план и примерную смету по подготовке к участию членов Союза на всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Москве в 1923 году [РГАЭ, ф. 480, оп. 9, д. 106, л. 2–4]. Работа была проделана огромная, но она уже ничего не решала. 15 ноября 1922 года по заявлению Правления Сибартельсоюза его «материальное положение катастрофическое». Действительно, ниоткуда и никакой поддержки в виде кредитов, заказов, помощи в организации сбыта данный орган не получал, а перестроиться на коммерческие принципы работы так и не смог. «Сейчас» — подчеркивало Правление — «создалась обстановка, когда следует ставить вопрос — быть ли промысловой кооперации в Сибири» [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 12, л. 118 об.].

Именно из-за отсутствия средств и поддержки Сибартельсоюза были вынуждены прекратить работу сначала в Иркутском и Красноярском промысловых союзах, затем — в большинстве других. Некоторые из подобных объединений слились с сельскохозяйственными союзами и полностью прекратили промысловую работу [ГАРФ, ф. 5449, оп. 1, д. 30, л. 30]. Ликвидировались не только союзы, массово распадались артели.

5 ноября 1923 года Сибартельсоюз отправил письмо во Всероссийский союз промысловой кооперации (ВСПК) фактически с призывом о помощи, так как к ноябрю 1923 года в его составе остался лишь Омский промысловый союз [ГАРФ, ф. 5449, оп. 2, д. 138, л. 1]. Призыв остался без ответа.

В декабре 1923 года в докладной записке Сибартельсоюза уже Сибпромбюро ВСНХ отмечалось, что, «благодаря энергично проводимому на местах объединению (интегрированию)» кустарно-промысловых кооперативов с кооперативами других видов, первые стали быстро распадаться, что в конце концов «привело к почти полному исчезновению периферии Сибартельсоюза». Вопрос о положении Союза и сибирской промкооперации неоднократно ставился членами правления и перед Сибревкомом

и Сиббюро РКП(б). Предполагалось, что целый ряд проблем в регионе можно решить так же, как в Европейской России, где фонды и средства ликвидированного Главкустпрома перешли на известных льготных условиях ВСПК, чтобы увеличить материальные ресурсы кустарно-промышленной кооперации. Ни помощи, ни понимания руководство Сибартельсоюза не добились. Такое отношение Сиббюро РКП(б) и Сибревкома заставило членов правления Областного Союза просить Сибпромбюро ВСНХ, как орган, ведающий кустарной промышленностью, произвести ликвидацию Сибартельсоюза [ГАНУ, ф. р-918, оп. 1, д. 445, л. 111–112 об.]. 8 декабря 1923 года на заседании президиума Сибпромбюро ВСНХ было принято решение «считать необходимой ликвидацию Сибартельсоюза» [ГАНУ, ф. р-918, оп. 1, д. 302, л. 4; д. 381, л. 22]. На момент ликвидации его членами оставались только Омский и Семипалатинский союзы; союзы Иркутский, Алтайский, Бийский, Мариинский, Акмолинский, интегрировались; Новоиколаевский — ликвидировался; Томский и Тюменский союзы слились с сельскохозяйственной кооперацией [Вестник кустарной промышленности, 1924, № 4—5 с. 24]. Конечно же, ликвидация промысловых союзов не означала полной ликвидации и низовой сети промкооперации. Артели мелких промышленных производителей продолжали функционировать как самостоятельно, так и в составе интегрированных союзных объединений. Например, на 1 января 1924 года только по Западной Сибири и только в смешанных союзах было 66 промысловых кооперативов с 2053 кустарями [Вестник промысловой кооперации, 1924, № 4—5, с. 3].

На страницах «Вестника кустарной промышленности» развернулась дискуссия о причинах развала промкооперации. Некоторые авторы делали упор на то, что «административно сколоченные» в период военного коммунизма артели кустарей и ремесленников «не имели внутренних импульсов» для развития кооперации, «ничего не делали для своего укрепления и естественно погибли» [Вестник кустарной промышленности, 1923, № 5, с. 7]. Другие считали: «всему виной депрессия рыночного сбыта», третьи утверждали, что не были решены главные задачи «урегулирования производства в том направлении, чтобы оно соответствовало покупательным способностям населения», не удалось перестроить и промкооперативный аппарат [Вестник кустарной промышленности, 1923, № 5, с. 8–9]. Сами же кооператоры еще на совещании председателей союзов промысловой кооперации 3 сентября 1923 года заявляли как о «главной помехе» о конкуренции между Сибкустпромом и Сибартельсоюзом за влияние на мелких промышленников [ГАРФ, ф. 5449, оп. 1, д. 40, л. 25]. Что же касается развала Сибирского областного кустарно-промышленного союза, то в ка-

честве причин совершенно уместно назывались следующие: губернские и районные союзы возникали «без отбора наиболее прочных артелей», без учета потребностей рынков и «без выделения ударных промыслов»; «не смогли их обслужить ни в хозяйственном, ни в организационном отношении»; не обладали средствами; не имели в своем распоряжении ни сил, ни средств «победить недоверчивое отношение кустаря к кооперации, сложившееся у него под влиянием совместной работы с губкустпромами и губкустпромсекциями» в условиях военного коммунизма [Вестник кустарной промышленности, 1924, № 4—5, с. 23—25].

Споря о причинах кризиса сибирской кустарно-промысловой кооперации и развала ее союзной организации, все единодушно признавали, что итогом 1923 года стала массовая ликвидация в регионе артелей и союзов. Созданная преимущественно административным способом система не смогла приспособиться к рыночным условиям деятельности и возглавить промкооперативное движение в Сибири.

5. Заключение

В условиях военного коммунизма произошло практически полное огосударствление промысловой кооперации. В Сибири этот процесс зашел дальше, чем в центральных регионах страны. Кооперированные производственные организации кустарей и ремесленников, в работе с которыми использовались мобилизационные методы и административный нажим, были лишены всякой экономической самостоятельности; эффективная кооперативная система управления мелкими промышленными производителями отсутствовала. Именно поэтому в условиях перехода к новой экономической политике важнейшей задачей становится промкооперативное строительство.

После провозглашения нэпа возникновение новых артелей в Сибири началось не сразу. Только с июня—июля 1921 года в регионе происходит постепенное формирование самостоятельной сети промысловой кооперации. В это же время идет и ее организационное строительство. В августе 1921 года Сибревком постановил создать Инициативное бюро по организации Областного союза кустарно-промысловых кооперативов, что во многом послужило стимулом для образования новых губернских и крупно-районных промысловых союзов. В декабре 1921 года был учрежден Сибартельсоюз. Особенностью организационного строительства промкооперативной системы в Сибири стало ее создание «сверху». Однако сформированная преимущественно административным способом система не смогла перестроиться на коммерческие принципы работы и возглавить

кооперативное движение. Не смогли опереться на кооперативы и промышленные союзы края. Сибартельсоюз, губернские и районные союзы не сумели, в первую очередь, из-за отсутствия средств и необходимых кооперативных работников, вовлечь даже треть всех кооперированных мелких промышленных производителей, а тех, кого вовлекли, оказались не способны удержать в сфере своего влияния. Борьба кустарно-промысловой кооперации за свое существование кончилась тем, что большинство союзов были вынуждены прибегнуть к интегралу.

Создание Областного союза кустарно-промысловых кооперативов не прекратило соперничества между государственными и кооперативными органами за влияние на промкооперацию, наоборот, усилило.

Вплоть до 1923 года сохранялась система непосредственного государственного управления промысловой кооперацией и использовались мобилизационные, военно-коммунистические методы в работе с ней.

Первые шаги сибирского промкооперативного строительства в условиях перехода к новой экономической политике в организационном плане оказались неудачными. Артели и союзы не выдерживали конкуренции, началась их массовая ликвидация. Кризис кустарно-промысловой системы продолжился.

Источники и принятые сокращения

1. *Вестник* кустарной промышленности (Москва). — 1921. — № 2—3. — С. 7. — № 16. — С. 18. — 1922. — № 1—2. — С. 62. — № 3—4. — С. 6, 38. — № 5—7. — С. 41. — № 8—10. — С. 29. — 1923. — № 5. — С. 7—9. — 1924. — № 4—5. — С. 23—25.

2. *Вестник* промысловой кооперации (Москва). — 1924. — № 4—5. — С. 3.

3. ГА в г. Тобольске. — *Государственный архив* в г. Тобольске. Ф. 152 (Тобольское общее губернское управление). Оп. 23. Д. 195. Лл. 8, 21, 37.

4. ГАНО — *Государственный архив* Новосибирской области. Ф. Р-1 (Сибирский революционный комитет (Сибревком), 1919—1925). Оп. 1. Д. 7. Лл. 22—23. Д. 10. Л. 30. Д. 21. Л. 1. Д. 53. Л. 25. Д. 89. Л. 191. Д. 300. Л. 15. Д. 438. Лл. 60—61. Д. 536. Л. 125 об. Д. 899. Л. 5. Ф. П-1 (Сибирское бюро ЦК РКП(б), 1919—1924). Оп. 1. Д. 184. Лл. 12, 15—16, 18. Д. 359. Л. 29. Оп. 3. Д. 13-а. Лл. 4, 27—27 об. Д. 20. Лл. 59 об., 62 об. Д. 21. Л. 112. Д. 27. Л. 3 об. Д. 31. Лл. 48, 129 об. Д. 359. Лл. 17, 45 об. Д. 361. Лл. 15, 25, 29, 30, 33, 42, 64. Д. 415. Лл. 26, 27. Д. 439. Лл. 19 об., 25, 53. Ф. Р-32 (Сибирское отделение Центросоюза (Сибцентросоюз), 1918—1924). Оп. 1. Д. 212. Л. 7. Д. 465. Л. 52. Д. 879. Л. 16. Ф. Р-288 (Отдел рабоче-крестьянской инспекции Запсибкрайисполкома, 1919—1934). Оп. 1. Д. 468. Л. 2. Ф. Р-918 (Сибирское областное промышленное бюро Высшего Совета народного хозяйства (Сибпромбюро ВСНХ) 1920—1926). Оп. 1. Д. 48. Л. 2. Д. 302. Л. 4. Д. 378. Л. 17. Д. 381. Л. 22. Д. 438. Л. 60. Д. 445. Лл. 111—112 об.

5. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 5449 (Все-российский союз промысловой кооперации (Всекопромсоюз) 1919—1932), Оп. 1. Д. 30. Л. 30. Д. 40. Л. 25. Оп. 2. Д. 3. Лл. 28, 30. Д. 12. Лл. 115—118 об. Д. 28. Л. 199. Д. 33. Лл. 5—5 об. Д. 96. Лл. 1—2. Д. 115. Л. 55. Д. 138. Л. 1. Д. 265. Лл. 35—35 об.
6. *Известия* Сиббюро ЦК РКП(б) (Новосибирск). — 1921. — № 37. — С. 4. — № 39. — С. 16—18. — 1922. — № 51—52. — С. 13—14.
7. *Известия* Сибцентрсоюза (Новосибирск). — 1922. — № 1—3. — С. 178—179.
8. *Краткий* отчет о деятельности Сибпромбюро ВСНХ с 1 января по 1 декабря 1921 года. — Новониколаевск, 1921. — С. 6—47.
9. *Отчет* о деятельности Сибирского революционного комитета (Сибирского областного экономического Совета) Совету Труда и Обороне с 1 июля по 1 октября 1921 года. — Новониколаевск, 1921. — 195 с.
10. *Отчет* Сибирского областного бюро ВСНХ за 1920 г. — Омск, 1921. — С. 85.
11. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 480 (Главный выставочный комитет первой сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки СССР. 1922—1923) Оп. 9. Д. 106. Лл. 2—4. Ф. 1691 (Главное управление по делам кустарной и мелкой промышленности и промысловой кооперации ВСНХ — Наркомзема (Главкустпром)). Оп. 2. Д. 412. Л. 8. Д. 1210. Л. 31. Д. 1231. Лл. 61—73, 75—79, 81. Д. 1249. Л. 26. Оп. 6. Д. 215. Лл. 11 об., 13 об., 28, 41, 50 об. — 53, 72, 127, 152, 235.

Литература

1. *Бородулина* Е. В. Мелкая и кустарно-ремесленная промышленность Тобольской губернии в 1861—1917 годах : диссертация ... кандидата исторических наук / Е. В. Бородулина. — Тюмень, 1999. — 197 с.
2. *Бородулина* Е. В. Большевистская постановка вопроса о месте и роли промысловой кооперации в начале новой экономической политики (1921—1923 гг.) / Е. В. Бородулина // *Известия* Волгоградского государственного педагогического университета. — 2018. — № 2 (125). — С. 203—210.
3. *Коновалов* В. В. Мелкие промышленники Сибири и большевистская диктатура : вопросы теории и практики военного коммунизма / В. В. Коновалов. — Новосибирск : Наука, 1995. — 217 с.
4. *Коновалов* В. В. Мелкие промышленники Сибири накануне и в годы революции и гражданской войны : автореферат диссертации... доктора исторических наук / В. В. Коновалов. — Екатеринбург, 1997. — 46 с.
5. *Николаев* А. А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе (1920—середина 1930-х гг.) : диссертация... доктора исторических наук / А. А. Николаев. — Новосибирск, 2000. — 362 с.
6. *Николаев* В. Кустарная промышленность Сибири / В. Николаев // *Красная Сибирь*. — 1921. — № 2. — С. 49—68.
7. *Сидорова* Ю. А. Отечественная промысловая кооперация в контексте социалистического преобразования общественного хозяйства (1920-е годы) : про-

екты и реальность : автореферат диссертации... кандидата исторических наук / Ю. А. Сидорова. — Москва, 2011. — 26 с.

8. Шепелева В. Б. Кустарно-промысловая кооперация Сибири (1919—1929 гг.): автореферат диссертации ... кандидата исторических наук / В. Б. Шепелева. — Москва, 1981. — 25 с.

9. Ягов О. В. Кустарно-промысловая кооперация Поволжья в условиях нэпа : автореферат диссертации... доктора исторических наук / О. В. Ягов. — Самара, 2009. — 43 с.

The First Steps of the Siberian Industrial-Cooperative Construction in the Context of the Transition to a New Economic Policy (1921—1923)

© Borodulina Elena Viktorovna (2018), orcid.org/0000-0002-0324-927X, PhD in History, associate professor, Department of Russian History, Tyumen State University (Tyumen, Russia), borodulina.e@list.ru.

Brief description of the situation with the trade cooperation of Siberia by the beginning of 1921 is given in the article. Its organizational construction and regional peculiarities are analyzed in transition to the new economic policy. The activity of the Siberian regional artisanal union is considered. The question is raised about the struggle for influence on industrial cooperation. The causes of the crisis and the collapse of the Sibartelsoyuz system are investigated. The author comes to the conclusion about the inertia of the military-economic methods of guiding the cooperative production of handicraftsmen and artisans throughout the period under review. It is noted that the system of direct state administration in this sphere persisted until 1923. It shows the inability of Sibartelsoyuz to lead the cooperation, because of which the crisis of the artisanal system continued. The main sources of work were materials from the funds of the State Archives of the Russian Federation, the Russian State Archive of Economics and the State Archives of the Novosibirsk Region, some of which were first introduced into scientific use.

Keywords: Siberia; trade cooperation; Sibartelsoyuz; handicraftsmen and artisans; new economic policy.

Material resources

GANO — *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti*. (In Russ.).

GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. F. 5449 (Vserossiyskiy soyuz promyslovoy kooperatsii (Vsekopromsoyuz) 1919—1932)*. (In Russ.).

GA v g. Tobolske. — *Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobolske. F. 152 (Tobolskoye obshcheye gubernskoye upravleniye)*. (In Russ.).

Izvestiya Sibbyuro TsK RKP(b) (Novosibirsk). (In Russ.).

Izvestiya Sibtsentrosoyuza (Novosibirsk). 1922. 1—3: 178—179. (In Russ.).

Kratkiy otchet o deyatelnosti Sibprombyuro VSNKh s 1 yanvarya po 1 dekabrya 1921 goda. 1921. Novonikolaevsk. 6—47. (In Russ.).

Otchet o deyatelnosti Sibirskogo revolyutsionnogo komiteta (Sibirskogo oblastnogo ekonomicheskogo Soveta) Sovetu Truda i Oborony s 1 iyulya po 1 oktyabrya 1921 goda. 1921. Novonikolaevsk. (In Russ.).

Otchet Sibirskogo oblastnogo byuro VSNKh za 1920 g. 1921. Omsk. (In Russ.).

RGAE — *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki. F. 480 (Glavnyy vystavochnyy komitet pervoy sel'skokhozyaystvennoy i kustarno-promyshlennoy vystavki SSSR. 1922—1923). F. 1691 (Glavnoye upravleniye po delam kustarnoy i melkoy promyshlennosti i promyslovoy kooperatsii VSNKh — Narkomezma (Glavkustprom)).* (In Russ.).

Vestnik kustarnoy promyshlennosti (Moskva). (In Russ.).

Vestnik promyslovoy kooperatsii (Moskva). (In Russ.).

References

Borodulina, E. V. 1999. *Melkaya i kustarno-remeslennaya promyshlennost' Tobolskoy gubernii v 1861—1917 godakh: dissertatsiya... kandidata istoricheskikh nauk.* Tyumen. (In Russ.).

Borodulina, E. V. 2018. Bolshevistskaya postanovka voprosa o meste i roli promyslovoy kooperatsii v nachale novoy ekonomicheskoy politiki (1921—1923 gg.). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2 (125): 203—210. (In Russ.).

Konovalov, V. V. 1995. *Melkiye promyshlenniki Sibiri i bolshevistskaya diktatura: voprosy teorii i praktiki voyennogo kommunizma.* Novosibirsk: Nauka. (In Russ.).

Konovalov, V. V. 1997. *Melkiye promyshlenniki Sibiri nakanune i v gody revolyutsii i grazhdanskoy voyny: avtoreferat dissertatsii ... doktora istoricheskikh nauk.* Yekaterinburg. (In Russ.).

Nikolayev, A. A. 2000. *Melkaya promyshlennost' i kustarnyye promysly Sibiri v sovetskoy kooperativnoy sisteme (1920 — seredina 1930-kh gg.): dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk.* Novosibirsk. (In Russ.).

Nikolayev, V. 1921. Kustarnaya promyshlennost' Sibiri. *Krasnaya Sibir'*, 2: 49—68. (In Russ.).

Shepeleva, V. B. 1981. *Kustarno-promyslovaya kooperatsiya Sibiri (1919—1929 gg.): avtoreferat dissertatsii... kandidata istoricheskikh nauk.* Moskva. (In Russ.).

Sidorova, Yu. A. 2011. *Otechestvennaya promyslovaya kooperatsiya v kontekste sotsialisticheskogo preobrazovaniya obshchestvennogo khozyaystva (1920-e gody): proekty i realnost': avtoreferat dissertatsii... kandidata istoricheskikh nauk.* Moskva. (In Russ.).

Yagov, O. V. 2009. *Kustarno-promyslovaya kooperatsiya Povolzhya v usloviyakh nepa: avtoreferat dissertatsii... doktora istoricheskikh nauk.* Samara. (In Russ.).